

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ильина Татьяна Анатольевна

**ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТИЧНОЙ КОРОПЛАСТИКИ БОСПОРА:
опыт комплексного анализа материалов
святилища на Майской горе близ Фанагории**

Специальность 07.00.06. «Археология»
(исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре археологии исторического факультета
МГУ им. М.В.Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Попова Е.А.

Научный консультант: доктор физико-математических наук
Бураков К.С.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Масленников А.А.

кандидат исторических наук
Крапивина В.В.

Ведущая организация: Государственный исторический музей

Защита диссертации состоится «24» ноября 2008 г. в «___» часов на
заседании диссертационного совета Д.501.001.78 по археологии, этнологии и
антропологии при МГУ им. М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва,
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, сектор «А», этаж 4, аудитория 418.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Научной библиотеки
МГУ им. М.В.Ломоносова.

Автореферат разослан «___» _____ 2008 г.

Ученый секретарь Диссертационного Совета
кандидат исторических наук

Зверева Ю.И.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Среди художественной продукции греческих мастеров, дошедшей до нас от античной эпохи, наиболее многочисленны фигурки из обожженной глины (терракоты) – изделия короoplastов. Продолжительно время существования этого вида искусства, воплотившегося в различных типах и вариантах – от схематичных «идолов» микенской эпохи до «реалистичных» персонажей классики, эллинизма и затем «примитивов» римского времени.

Как продукция ремесленного производства, античные терракотовые статуэтки были предметом торговли. Несложность их изготовления, доступность всем слоям населения наряду с недолговечностью самих фигурок обуславливали их массовое производство и широкий спрос. Изделия короoplastов были повсеместно распространены и в Северном Причерноморье, в частности, на Боспоре. Этот вид товара поступал сюда из Центральной Греции, Италии и Малой Азии. Здесь с привозных образцов нередко снимались формы (матрицы), в которых из местной глины изготавливались новые партии изделий. Из одного центра в другой перемещались и сами короoplastы, перенося в новое место традиции и навыки ремесла своего полиса. Таким образом, сам по себе факт распространения определенного типа терракот не может служить доказательством его производства в этом регионе, однако данный вопрос решает материал, из которого они изготовлены – глина. При длительном местном воспроизводстве (копировании) определенного типа весьма важным становится вопрос о датировке серии этих изделий, притом, что для определения хронологии стилистические черты конкретного периода во многом теряют свою актуальность.

Продукция местных мастерских заслуживает самого пристального внимания как материал, характеризующий ту среду, для которой она предназначалась. Возможно, в жизни древних греков не существовало строгих установок относительно предназначения терракотовых статуэток. Иногда об

этом свидетельствуют обстоятельства находок, особенности производства терракот, их иконография и сюжеты.

Начиная с раннего времени глиняные фигурки, служили приношением в храм, на домашний алтарь, сопровождали погребение. Спрос на те или иные типы терракот, приносившихся в качестве даров, определял популярность избранного круга сюжетов.

Состояние исследования коропластики. Изучение терракоты в зарубежной и отечественной науке сводится к поиску решений вышеперечисленных проблем: происхождения, типологии, интерпретации и назначения. Предшествующие исследования развивались в следующих направлениях:

1. Систематизированы и каталогизированы терракотовые статуэтки из крупнейших музейных собраний [Chesterman, 1974; Higgins, 1954; 1974; Knoblauch, 1937; Mollard – Besques, 1963; Paul, 1962; Античная коропластика, 1978], в том числе составлен многотомный свод терракот, хранящихся в коллекциях России и на Украине [САИ, Г1-11, т. I-IV, 1970, 1974].

2. На основании сюжетов изображения, иконографии и стилистических особенностей в массе терракотовых фигурок выделены отдельные типы и определена их хронология [Knoblauch, 1937; Neutsch, 1952]. Это направление будет развиваться и в дальнейшем по мере открытия новых вариантов и видов статуэток.

3. Разработан метод выделения ряда серий терракот, восходящих к одному оригиналу, на основе установления закономерностей в изменении формы и размеров статуэток, сделанных в матрицах, снятых с готовых образцов «первого», «второго» и последующих поколений тиража [Jastrow, 1941; Nichols, 1952].

4. Использование историко-культурного подхода, основанного на рассмотрении терракот, происходящих из одного комплекса, для решения ряда вопросов хронологии, своеобразия художественных форм, содержания образов, определения роли и значения терракот [Н.П. Кондаков, 1879;

А.А. Передольской, 1950, 1955, 1957, 1962]. Примерами комплексного подхода являются также работы Ф. Круассан [Croissant, 1983] и Дж.П. Уленброк [Uhlenbrock, 1990], посвященные изучению архаических протом. Н.Н. Исаева [1984], рассматривая статуэтки эпохи классики, демонстрирует необходимость изучения серийного материала для понимания семантики образа исследуемых терракот.

На основе накопленных знаний были предприняты попытки написать историю развития греческой коропластики [Higgins, 1954, 1972; Paul, 1959; Chesterman, 1974; Бритова, 1969]. Специальные работы, посвященные исследованию истории коропластики Северного Причерноморья немногочисленны [Кобылина, 1961; Денисова, 1981; Русяева, 1983]. В них намечена история развития местного производства, выделена категория привозных изделий и определены направления некоторых торговых и культурных связей в отдельные периоды существования Боспорского государства.

Анализ состояния исследования этой категории материала в настоящее время выявил недостаточность применения только формально-типологического подхода для определения места производства, датирования терракот и интерпретации представленных на них персонажей. Дальнейшее исследование коропластики требует поиска новых решений для обозначенных проблем.

5. Поскольку при изготовлении терракоты подвергались обжигу, в их изучении возможно применение естественнонаучных методов, основанных прежде всего на опыте геофизических изысканий. Предшествующие исследования геофизическими способами археологического материала выработали определенные методы работы с керамической продукцией [Телье, 1959; Эйткин, 1963]. Начатые в 70-е годы, они сейчас успешно развиваются как одно из направлений Института физики Земли РАН. За это время усовершенствовалась техника лабораторных исследований, таким образом, появилась возможность использовать эти методы на новом уровне [Бураков, Начасова, 1997; 2002].

Цели и задачи диссертационного исследования. Основная цель диссертации состоит в обработке и многостороннем анализе комплекса материалов святилища на Майской горе близ Фанагории. Его осуществление связано с решением целого ряда задач:

- выделение иконографических типов терракот, обнаруженных в т.н. «закрытом комплексе» святилища;
- определение места и особенностей производства рассматриваемых терракот;
- разработка метода хронологической идентификации отдельных типов терракот;
- предложение интерпретации сюжетов и функциональной роли терракот.

Источниковая база работы. Базой работы послужила коллекция терракот из святилища на Майской горе (грязевая сопка Шапурская), близ Фанагории, открытого в результате раскопок экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина в 1958, 1959, 1961 гг. под руководством И.Д. Марченко. Коллекция хранится в фондах ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва) и насчитывает 1164 экспоната. В качестве сравнительного материала привлекались терракоты, найденные на античных памятниках Северного Причерноморья и Средиземноморья, хранящиеся в музеях России (ГИМ, Эрмитаж, Анапский археологический музей-заповедник, Таманский музейный комплекс, Темрюкский историко-археологический музей), Украины (Национальный заповедник Херсонес Таврический, Керченский историко-археологический музей), а также музеях Греции, Турции, Италии, Болгарии, Франции, Великобритании.

Количественный состав и серийный характер материала позволяют выявить особенности производства, проследить развитие отдельных типов терракот, определить хронологические рамки их существования, выявить общегреческие, и, по возможности, местные технологические, иконографические и стилистические тенденции развития коропластики, проследить зависимость репертуара типов от культовых требований.

Немаловажными факторами при выборе комплекса терракот Майской горы стали: состав коллекций античных терракот в ГМИИ им. А.С. Пушкина и слабая степень изученности данного вида боспорской коропластики.

Хронологические рамки исследования. Комплекс датируют по совокупности происходящего из него материала (амфорные клейма, чернолаковая керамика, монеты) хронологическим периодом от середины V до середины III в. до н.э. [Егорова, Ильина, Кутинова, 2007]. Этим периодом определяются и хронологические рамки исследования.

Методика работы основывается на использовании типологического, иконографического, «механического» и археоманитного анализа.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней на серийном материале проводится комплексный анализ, направленный на решение не одной, а целого круга проблем изучения античной коропластики. Работа направлена на совершенствование методики исследования терракот.

Практическая значимость. Использование наработок, полученных в результате искусствоведческих и геофизических изысканий, соединение этих методов в одном исследовании представляется перспективным. Подобный подход дает возможность не только конкретизировать хронологию типов боспорских терракот, сузить датировки ранее изученных памятников, датировать беспаспортные экспонаты, но и вычленять подделки в музейных коллекциях.

Апробация работы. Основные положения диссертации были отражены в докладах на Отчетной сессии ГМИИ им. А.С. Пушкина (2005, 2006, 2008); Международных конференциях и семинарах в Москве (2006), Санкт-Петербурге (2007), Керчи (2001), Анкаре (2000), Салониках (2002), Измире (2007). Материалы диссертации обсуждались на заседаниях Отдела Древнего мира ГМИИ им. А.С. Пушкина

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих одиннадцать параграфов, заключения, приложений в виде каталога и альбома с иллюстрациями исследуемого материала и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** отмечается актуальность работы; дается подробная характеристика современному состоянию изучения проблемы; формулируются цели и задачи диссертации; определяются: источниковедческая база, хронологические рамки и методология работы; отмечается научная новизна и практическое значение исследования.

Глава I. Боспорское святилище на Майской горе: история исследования, архитектурные объекты, комплекс находок. Майская гора (г. Шапурская; 45°11'23"N 37°0'0"E; 60,2 м) расположена в 1,0 км к югу от городища Фанагория на Таманском полуострове. Сведения о раскопках здесь курганов сохранились в архиве Археологической комиссии. К. К. Герц в 1859 г. раскопал три кургана и насыпи к востоку от горы Блевака, в 1869 и 1872 гг. здесь же вел работы И. Е. Забелин, после чего в 1874 г. В.Г. Тизенгаузен раскопал 11 курганов [ОАК за 1859, 1869, 1872, 1874 гг.]. В 1880 и 1885 гг. курган к юго-западу от горы Блевака исследовал Н. П. Кондаков [ОАК за 1880, 1885 гг.]. В 1947 г. М. М. Кобылина проводила раскопки некрополя, расположенного на северном склоне горы [Кобылина, 1948].

В результате раскопок, проводимых на площадке, расположенной между кратерами двух грязевых вулканов, было открыто здание антового типа (12,0 x 9,3 м), построенное, судя по находкам, в конце IV - начале III в. до н. э., и прекратившее свое существование в первой четверти I в. до н.э. [Марченко, 1963, с. 89]. К югу от храма при расчистке природной расселины (длина 12,0 м; глубина 2.2 м; ширина вверху 3,0 м, внизу - 0,4 м) найдено большое количество разбитых терракот (1164 экземпляра), чернолаковых сосудов, фанагорийской столовой керамики, фрагментов амфор (около 11 тыс. стенок) [Марченко, 1962, с. 130, табл. IV, VI].

Первоначальный анализ находок из расселины позволил автору раскопок ограничить период ее функционирования концом VI – началом II в. до н. э. [Марченко, 1962, с. 132]. Однако проведенное нами более детальное

исследование комплекса выявило, что самым ранним материалом (конец VI в. до н.э.) являются фигуры «ионийского» типа, а самым поздним – рубеж III-II вв. до н.э. – фрагменты терракот «беотийского» типа. Остальной материал не выходит за рамки середины V – середины III в. до н.э.

В.И. Денисова, обратив внимание на значительное расхождение между датами терракот и остального материала, поставила вопрос о правильности датирования фигурок только по иконографическим признакам [Денисова, 1981, с. 27]. Она также высказала предположение о возможности бытования некоторых типов терракот в местной коропластике в течение более длительного периода, чем это принято считать, и предложила «омолодить» памятник на полстолетия.

По мнению И.Д. Марченко все рассмотренные предметы являются единовременным сбросом использованного храмового инвентаря [Марченко, 1962, с. 122]. Однако, как показывают археологические раскопки подобных комплексов, фависсы регулярно пополнялись, высвобождая в храмах место для новых приношений. Нам также трудно поверить, что хранящийся где-то на протяжении нескольких столетий (двух или трех, в зависимости от предложенных датировок материала) инвентарь был откуда-то извлечен и специально перемещен в это углубление в почве. Кроме того, беспорядочное залегание разных по времени находок ставит выводы автора раскопок под сомнение.

Определение характера данного «сброса» напрямую связано с корректной датировкой входящих в него терракот, которые на данном этапе определяют хронологические рамки комплекса. Решение этой задачи, в свою очередь, позволит ответить на вопрос о принадлежности «сброса» к находящемуся рядом храму, и, возможно, прольет свет на назначение самой расселины. Для решения поставленных задач, в первую очередь, необходимо более подробно рассмотреть иконографические и стилистические особенности терракотовых фигурок Майской горы.

Глава II. Метод иконографического анализа: иконографические типы протом Майской горы и их традиционная хронология. Античная терракотовая протома – одностороннее воспроизведение передней верхней части фигуры человека – бюста или полуфигуры. В матрице (форме) заложены композиционные, иконографические и стилистические признаки всех выходящих из нее терракот. Последующая ручная доработка по сырой глине допускает появление отдельных элементов: атрибутов, вариаций прически и складок одежды, не зафиксированных в матрице. Поэтому при выявлении типов необходимо отличать существенные, образующие тип признаки от дополнительных, дающих представление о разнообразии вариантов данного типа. Руководствуясь методом иконографического анализа, протомы Майской горы, были разделены на две иконографические группы: I) протомы-бюсты; II) протомы-полуфигуры. Внутри них нами были выделены отдельные типы и их варианты. В данном разделе кроме описания иконографии и стилистических особенностей представлена традиционная датировка, связанная с моментом возникновения типа, и примеры бытования типов в различных античных центрах. Для удобства оперирования материалом принадлежность к иконографической группе обозначена римской цифрой, к типу – арабской; к варианту – прописной буквой, например протомы-бюсты архаического времени «ионийского» типа, большого размер – I.1.a; иконографической группе «протомы-полуфигуры» соответствует нумерация II.1 и т.д.

Первая иконографическая группа – «протомы-бюсты» образована четырьмя типами. Первый тип (I.1. а, б) представлен терракотами, восходящими к позднеархаическим ионийским протомам, получившими широкое распространение в Греции, Ионии и Средиземноморье. На Боспоре они найдены в Тиритаке, Нимфее, Пантикапее, Феодосии и Фанагории. Терракоты датируются концом VI – началом V вв. до н. э., некоторые, меньших размеров, бытуют до середины V в. до н. э. Второй тип протом (I.2) образован терракотами «аттического» типа, датированными концом VI – серединой V в. до н.э. К

третьему типу (I.3) относятся изображения женского персонажа в амфиксе (налобной ленте), находящие аналогии среди произведений периода высокой классики. К следующему, самому многочисленному на этом памятнике типу, относятся протомы «беотийского» типа (I.4. а, б, в), которые датируются IV-III вв. до н.э. и находят аналогии в Нимфее, Фанагории, Горгиппии, Тиритаке и Мирмекии.

Во вторую иконографическую группу входят восемь типов (II.1-II.8), изображающие женские полуфигуры, задрапированные в покрывало, держащие в руках предмет: голубя, зайца, олененка или яблоко. Многочисленные аналогии происходят из Греции, Италии и городов Боспора и датируются IV-III в. до н.э.

Использование в ходе исследования метода иконографического и элементов стилистического анализа позволило нам сократить количество выделенных И.Д. Марченко типов протом Майской горы с двадцати пяти до тринадцати; выявить варианты развития для протом-бюстов «ионийского», «беотийского» типа и протом-полуфигур; определить рамки существования этих типов в античных центрах материковой Греции (Олинф, Танагра); на этом основании уточнить в пределах полувека датировки отдельных типов терракот.

В процессе изучения иконографии некоторых типов протом, в первую очередь, «ионийского» и «беотийского», нами была прослежена прямая связь между рельефностью терракоты и ее размерами. Принимая во внимание, что все исследуемые протомы изготовлены из фанагорийской глины, для определения хронологических рамок существования отдельных типов необходимо рассмотреть их развитие в местном производстве.

Глава III. Механический метод анализа: влияние технологических факторов на трансформацию типа. Результаты петрографического анализа и изучения пористости глиняного теста демонстрируют, что все рассматриваемые терракоты изготовлены из красно-коричневой, насыщенной крупными песками, с добавлением слюды фанагорийской глины ($R_m = 2,385 \text{ г/см}^3$; $L = 2,1 \%$). Принимая во внимание наличие среди продукции фанагорийских короoplastов протом иконографически и стилистически

близких рассматриваемым терракотам, можем предположить их местное производство.

В контексте данного исследования большой интерес вызывает открытая в ходе археологических работ 1981-1983 гг. мастерская фанагорийской короппласта [Долгоруков, 1983; Финогенова, 1998]. Среди находок имеется как готовая продукция, так и формы с иногда не вынутыми из них оттисками. Здесь найдены статуэтки стоящих и сидящих девушек, рукой прижимающих к груди голубя, а также около десятка фрагментов протом «ионийского» типа архаического времени, отличающихся тонкостью исполнения, оттиснутых в одной форме. Наличие среди находок типов классического периода сделало для нас возможным датировать их не ранее середины V в. до н.э.

На окраине Фанагории, в ее юго-восточной части, в эллинистический период размещался большой район гончарного производства и Керамик: здесь находились высококачественные залежи глины; источник воды (колодец с родниковой водой); к печам примыкали обширные вымостки, предназначенные для просушивания изделий после формовки. Вся территория, занятая гончарными мастерскими, имела вид котловины до двух метров глубиной, что, видимо, обеспечивало защиту от ветров [Цветаева, 1966, с.19]. Наиболее ранние остатки гончарной печи, открытые здесь, относятся ко второй половине IV в. до н.э. [Кобылина, 1953, с. 127].

Учитывая массовый характер материала, это исследование становится возможным с помощью т.н. «механического метода» [Nichols, 1952], основанного на наблюдении за закономерностями изменения формы и размеров фигурок в течение длительного периода их производства. Суть метода состоит в следующем.

Известно, что в процессе производства с одного оригинала (патрицы) снимаются формы (матрицы) для изготовления нескольких серий терракот. Они могут отличаться характером доработки матриц для первого поколения статуэток. Несколько патриц, объединенных сюжетно, близких пластически и стилистически, составляют основу для «типа» терракот. При длительном

изготовлении статуэток их размеры уменьшаются от поколения к поколению, так как снижается общая высота рельефа лицевой стороны отформованной статуэтки и, при отсутствии доработки, высота рельефа поверхности. Процент уменьшения размеров в процессе сушки и обжига, зависящий от линейной усадки глины позволяет проследить эти изменения от поколения к поколению в больших сериях статуэток. Число таких поколений для больших серий и распространенных типов доходит до четырех и более. Иногда при переходе от поколения к поколению может произойти выход статуэтки из своей серии и образование собственного варианта.

Проведенная нами работа в семинаре А.А. Бобринского в группе «История древней керамики» Отдела естественнонаучных методов Института Археологии РАН позволила смоделировать процесс производства терракот, выделить варианты внутри некоторых типов и проследить их линию развития от поколения к поколению. Было выделено в развитии протом-бюстов «ионийского» (I.1. а), «беотийского» типов (I.4.а) - шесть поколений; протом-полуфигур девушек с предметом в руке (II.5.б) – четыре поколения; остальные типы (I.2, I.3, II.1-II.4, II.6-II.8) насчитывают два–три поколения бытования. Это, в свою очередь, сделало возможным определить место, занимаемой той или иной терракотой в серии, и тем самым установить относительную хронологию для каждого из типов. Однако вопрос абсолютной датировки как отдельной протомы, так и типа в целом остался открытым. Поскольку при изготовлении терракоты подвергались обжигу, мы имели возможность использовать в их дальнейшем исследовании геофизических изысканий.

Глава IV. Археоманитный метод и корректировка традиционной хронологии. Применяемые в археологии археоманитный метод опирается на изучение магнитных свойств и намагниченности керамических изделий. В предметах, подвергающихся нагреванию при высоких температурах, запечатлевается магнитное поле Земли, существовавшее в момент обжига в данном месте. Параметры магнитного поля изменяются во времени, но остаточная намагниченность в обожженной глине сохраняет сведения о

геомагнитном поле, существовавшем в момент обжига. Зная ее, можно определить характеристики геомагнитного поля времени обжига образца и, соответственно, установить дату, когда был произведен обжиг.

Данное исследование подразделялось на следующие этапы: 1) отбор образцов на основе иконографического и стилистического анализов и составление нами серий для геофизических исследований; 2) проведение лабораторных исследований для определения древнего магнитного поля Земли и сопоставление результатов с имеющимися кривыми вариаций; 3) лабораторное исследование выборочных образцов других видов керамической продукции; 4) обобщение и сопоставление данных, полученных в результате применения обоих методов; 5) корректировка хронологии бытования отдельных типов терракот на Боспоре. Исследования проводились при научной поддержке ведущего сотрудника Института Физики Земли РАН, доктора физико-математических наук К.С. Буракова с помощью модифицированного варианта методики Телье (с поправками на анизотропию и химические изменения).

Была исследована намагниченность материала серий протом-масок «ионийского» (I.1.а,б), «аттического» (I.2), «беотийского» типа (I.4), полуфигур с предметом в руке (II.5.б) и плоских полуфигур (II.7) (79 образцов). Изучение намагниченности протом показало, что этот материал дает возможность с большой точностью получить определения напряженности геомагнитного поля времени их изготовления. В результате наложения полученных данных на кривую изменения напряженности поля с VI по I вв. до н. э. оказалось, что рассматриваемые терракоты могут относиться только к временному интервалу V-III вв. до н. э.

Для достижения более достоверной картины на этом временном отрезке нами была построена кривая с использованием данных, полученных с высокой точностью по керамическому материалу, датированному в пределах временного интервала менее 35 лет (± 17 лет) [Начасова, Бураков, 2002, с. 284-287; Начасова, Бураков, Ильина, 2006, с. 25-28]. Всего использовано свыше

50 фрагментов амфор, происходящих из культурного слоя археологических памятников Крыма и Таманского полуострова (Пантикапея, Нимфея, Фанагории, Гермонассы, Юбилейного). Привязка данных о напряженности поля, полученных по намагниченности протом, проведена на основе близости средних для поколений значений напряженности поля к кривой, построенной при помощи скользящего осреднения, интервал осреднения 15 лет.

В связи с тем, что напряженность геомагнитного поля имеет вариации, возникает неоднозначность при датировании керамического материала. Поэтому, чем длиннее ряд последовательных определений по материалу, датировку которого нужно получить, тем определенной результат. Проблему вариативности датировки можно решить путем соотнесения полученных результатов с данными возникновения рассматриваемых типов в метрополии, которые дают *terminus post quem* для начала производства этих терракот в фанагорийской коропластике. Внесение коррективы позволило нам датировать протомы «ионийского» типа (I.1.a, б) - серединой – третьей четвертью V в. до н.э.; «аттического» типа (I.2) – 460 гг. до н.э.; «беотийского типа (I.4) – второй половиной IV – первой четвертью III вв. до н.э.; полуфигуры с предметом в руке (II.5.б) – последней четвертью IV – первой четвертью III в. до н.э.; полуфигуры плоские (II.7) – 300-290 гг. до н.э.

Некоторую долю определенности при решении задачи датировки может внести получение новых данных по намагниченности узко датированного материала для построения более равномерно распределенного ряда на временном интервале V-IV в. до н.э. и построения представительного ряда для III в. до н.э.

Глава V. Комплекс святилища на Майской горе. Итоги изучения. При работе с данным материалом наибольшую сложность составляет атрибуция изображения. Протома по сути своей есть нечто замещающее, здесь целое представлено частью. Отсюда - большое внимание к атрибутам, характерным признакам изображаемого божества. Лицо - наиболее важная часть в композиции протомы, масштаб деталей определяется их смысловой значимостью. Исследования, проводимые на материале вазописи, показывают,

что изображение урезанной фигуры представляет анод (подъем) в сценах рождения Афродиты и Афины, возвращения из Аида на землю Кору-Персефоны, перехода из царства мертвых к жизни среди богов Семелы. Символически анод обозначает бесконечную цикличность явлений природы и жизни, поэтому если фигура представлена без дополнительных атрибутов, то изображение следует рассматривать как анод хтонической богини вообще.

Протомы «ионийского» и «аттического» типов изображают женский персонаж в калафе, символизовавшем корзину со священными атрибутами, которую несли во время элевсинских мистерий. Поэтому представленных в этом головном уборе персонажей чаще всего определяют как Деметру или Кору-Персефону. Изображение женского персонажа в ампексе или в диадеме, а также вообще без головного убора характерно для иконографии широкого круга божеств: Геры, Афродиты, Афины, Кору и других менее значимых мифологических персонажей. Поэтому, при отсутствии других атрибутов, ограничимся определением «богиня».

Изучение иконографии и поиск прототипов, положенных в основу рассматриваемых протом-полуфигур приводит нас к выводу, что всех их объединяет жест сложенных на груди одной или обеих рук, традиционный для божеств плодородия. В поздних поколениях некоторых типов терракот при сглаженности всей поверхности руки – это единственное, что передается в рельефе, превращаясь в знак, понятный окружающим. В большинстве случаев рассматриваемые полуфигуры наделены атрибутами (грантом, цветком, голубем, ланью), традиционными для целого ряда женских божеств (Кору, Афродиты и Артемиды).

Результаты проведенного нами «механического» анализа позволяют утверждать, что все исследованные терракоты, даже самого примитивного вида, в своей основе восходят к общегреческим типам и были изготовлены фанагорийскими коропластами без каких-либо дополнений. Таким образом, данный материал не позволяет говорить о местных типах и тем более изображениях местных божеств. Наблюдение за изменением внешнего вида

протом (уменьшение размеров, искажение пропорций, сглаженность деталей, отсутствие дополнительной обработки) позволяет говорить, что эстетическая сторона не была главной для этой категории материала. С одной стороны, утрачивание деталей и сведение изображения к определенной смысловой схеме могло быть продиктовано культовым характером протомы. С другой, - чисто утилитарными соображениями: возможно, votивное назначение определяло и их внешний вид.

Вернемся к особенностям топографии святилища. Устройство фависсы и храма между двух действующих вулканов не кажется случайным. Возможно, грязевые вулканы служили объектами поклонения, подобно тому, как почитались в Греции пещеры, гроты, расщелины, выходы газов или источников, вблизи которых устраивались храмы и располагались святилища. Само доминирующее положение этой грязевой сопки способствовало возникновению здесь в древности святилища.

Дробность, сильная фрагментированность и перемешанность одновременного происходящего из расселины материала, ставят под сомнение высказанную И.Д. Марченко интерпретацию комплекса, как единовременного сброса храмовой утвари, скопившейся за два столетия, в каком-то другом месте. Логичнее было бы предположить использование расселины в качестве фависсы на протяжении всего исследуемого периода. Но, в таком случае, материал накапливался бы по слоям в хронологическом порядке.

Обращает на себя внимание тот факт, что заполнение фависсы образовано слоем брекчии, отличающегося от материка лишь цветом и плотностью. Из полевой практики известно, что в подобных местах сезонные осадки не уходят естественным образом в землю, а накапливаются на поверхности, образуя в углублениях рельефа «грязевые ванны», заполненные вязким грунтом. Попадая в них, керамический материал не всегда оседает на дно, и будет вытесняться вверх, уступая место новым выброшенным фрагментам. Это объясняет нахождение одновременного материала в одном горизонте и, тем самым, подтверждает выдвинутое предположение об

использовании расселины в качестве фависсы на протяжении более длительного периода.

Учитывая хронологические рамки происходящего из расселины материала – 460 г. – середина III в. до н.э., можно говорить, что начало ее функционирования не связано с находящимся к северу от нее храмом, время создания которого относится к концу IV – началу III в. до н.э. Возможно, на первом этапе – с 460 – рубеж IV-III вв. до н.э. - расселину использовали как объект самостоятельного поклонения и непосредственно в нее приносили жертвы. Подобные природные святилища были открыты в Нимфее [Худяк, 1962], Мирмекии, на мысе Зюк, в районе поселения «Генеральское - Восточное» и «Генеральское-Западное» [Масленников, 2007]. Позднее, начиная с рубежа IV-III по середину III в. до н.э., она могла служить для «захоронения» использованного храмового инвентаря.

Судя по разнообразию найденных в фависсе протом, статуэток, костного материала и раковин каури в данном святилище могли отправляться культы различных хтонических божеств: Деметры и Коры, Афродиты, возможно, Афродиты-Апатуры и культ Артемиды.

Однако не стоит забывать, что популярность определенного круга сюжетов диктовала спрос на те или иные типы фигурок, приносившиеся в качестве вотивов. Анализ находок из различных святилищ показывает также, что люди, приносившие в качестве дара божеству терракоты, вероятно, не задавались вопросом, насколько свойственные последним атрибуты соответствуют природе данного божества [Ильина, Муратова, в печати]. В ряде случаев, в процессе исследования вотивов из храмов, посвященных конкретным культам, прослежено большое количество статуэток божеств, не имеющих к ним никакого отношения. Такой феномен получил в литературе название «гостевые боги» («visiting gods») [Alroth, 1995]. Очевидно, что при изучении храмового комплекса только открытие культовой статуи, а также посвячительных надписей может привести к более конкретным выводам.

Заключение. Применение в ходе исследования иконографического, «механического» и археомагнитного анализа сделало возможным сократить количество первоначально выделенных И.Д. Марченко типов; выявить их прототипы и рамки существования в материковой Греции; варианты развития в местной коропластике; а также существенно уточнить (в пределах четверти века) датировки отдельных типов терракот.

Полученные результаты позволяют нам высказать ряд предположений относительно развития фанагорийской коропластики во второй половине V – первой половине III в. до н.э.

Среди рассматриваемого материала самыми ранними являются протомы «ионийского» типа. В репертуаре местной коропластики они просуществовали до конца V в. до н.э., т.е. на полвека дольше, чем в регионе их возникновения. Причем, если в середине V в. до н.э. мастера точно копируют оригинал, выпуская продукцию высокого качества, то к моменту окончания бытования типа фанагорийские терракоты становятся его жалким подобием.

Большое влияние на появление новых сюжетов и типов в местной коропластике в V в. до н.э. оказали аттические мастерские. Протомы-полуфигуры, возникшие в материковой Греции в середине – конце V в. до н.э. и попавшие на Боспор во второй четверти – середине IV в. до н.э. (ранее они не прослежены), удерживались в фанагорийской коропластике на протяжении столетия. В результате многократного копирования эти изображения уже к началу III в. до н.э. значительно уменьшились в размерах и заметно огрубелись в деталях. Близкие аналогии терракотам этой группы открыты в Олинфе в погребениях первой половины IV в. до н.э. [Robinson, 1933, p. 5, 16, 19, 24; 6, 25, 26]. В.И. Денисова связывает проникновение на Боспор продукции коропластов припонтийской Фракии с предоставлением царем Евмелом убежища жителям Каллатиса, покинувшему осажденный Лисимахом город [Денисова, 1981, с. 84]. Действительно, сопоставляя типы теарракот, образующих репертуар боспорской коропластики, с терракотами Каллатиса

можно найти определенные точки соприкосновения и в иконографии, и в манере исполнения.

Обращает на себя внимание, что все исследованные терракоты в своей основе восходят к общегреческим типам и были изготовлены местными мастерами без каких-либо дополнений.

В Фанагории, как и в других городах азиатского Боспора, пик активности производства протом приходится на середину IV – начало III в. до н.э., т.е. в то время, когда в античных центрах материковой Греции данная категория терракот уже вышла из употребления. Однако, период их популярности был сравнительно недолгим, к середине III в. до н.э. производство протом в данном регионе прекратилось. Исчезновение этих терракот из репертуара местных короoplastов в конце IV – первой половине III в. до н.э. также прослежено в Пантикапее и Нимфее [Скуднова, 1970, с. 85; Силантьева, 1974].

Решение поставленной в работе задачи датировки протом, происходящих из фависсы, сделало возможным не только сузить время ее функционирования - середина VI – II в. до н.э. до периода – вторая половина V – первая половина III вв. до н.э., но и выделить в нем два этапа. Анализ открытого в расселине материала делает возможным предположить, что здесь отправлялись культы женских божеств.

Единообразие сюжетов и технологических приемов продукции фанагорийских мастерских и ведущих средиземноморских центров, выявленное в результате нашего исследования, позволяет говорить, что местная короoplastика развивалась в русле общегреческой традиции. Анализ представленных на протомах персонажей, а также контекста происхождения комплекса терракот иллюстрирует общность религиозных представлений населения этих регионов в данное время. Все это служит еще одним подтверждением того, что культура Боспорского царства являлась локальным вариантом общеэллинической культуры.

Опыт показывает, что при исследовании античных терракот необходим комплексный подход, сочетающий применение иконографического,

механического и археомагнитного методов. Взаимное дополнение и совершенствование этих методов позволит разрешить ряд вопросов, поставленных местной коропластикой. Хочется надеяться, что проделанная работа будет полезна широкому кругу специалистов: археологам при определении вновь находимых памятников, сотрудникам музеев, сталкивающимся в своей практике с беспаспортными экспонатами и подделками; а также исследователям общих проблем древнегреческого искусства и культуры.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Терракотовая статуэтка Деметры с городища Чайка // Вестник МГУ. 2000. Серия 8. История. № 4.
2. The Greek terracotta statuettes from the fortified settlement Chaika in the North-western Creimea // Ankara. 2000
3. Вотивные терракоты из храма на акрополе Пантикапея // Боспорские чтения. Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь. 2001. (в соавторстве с М.Б. Муратовой)
4. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М. (в соавторстве с Д.В. Журавлевым)
5. Курган 17 (18) некрополя Кеп // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Спб. 2005. (в соавторстве с Журавлевым Д.В., Ломтадзе Г.А., Сударевым Н.)
6. The coroplast's Tricks: figurine Vases and terracotta Figurines from Pantikapaion (middle of the 4th century BC) // 8th European association of archaeologists annual meeting. Thessaloniki. 2002.
7. Терракотовые протомы из святилища на Майской горе: археологический контекст и методы исследования // Отчетная конференция ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2005 г.
8. Античные терракоты: проблемы и методы датирования // Двусторонний симпозиум Немецкого научно-исследовательского сообщества в Москве «Германо-российское сотрудничество в науках о Древнем мире». 2006.
9. Вариации напряженности геомагнитного поля в Восточном Средиземноморье в Греко-римский период // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. Материалы семинара. Борок. 2006 (в соавторстве с И.Е. Начасовой и К.С. Бураковым).

10. Односторонние терракотовые изображения божеств с городища «Чайка» //Материалы исследований городища «Чайка» в северо-западном Крыму. М.
11. Терракотовые протомы из святилища на Майской горе: опыт реконструкции технологии производства, предварительные результаты // Отчетная конференция ГМИИ им. А.С. Пушкина в 2006 г.
12. Терракотовые статуэтки танагрского стиля из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина) // Древности Боспора. 2006. Том 9.
13. К вопросу о датирование культового комплекса на Майской горе (в соавторстве с Т.В. Егоровой, Т.М. Кутиновой) // «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок». Спб. 2007.
14. Terracotta Protomes from the Sanctuary on the Maiskaya Mount: Problems and Methods of Dating // Международном конгрессе «Античные терракотовые статуэтки в Восточном Средиземноморье: производство, влияние, иконография, назначение». Измир. 2007.
15. Напряженность геомагнитного поля в районе Восточного Средиземноморья во второй половине I тысячелетия до н.э. – начале нашей эры // Физика Земли. 2007. № 2 (в соавторстве с И.Е. Начасовой и К.С. Бураковым).
16. Вариации напряженности геомагнитного поля в V–III в. до н.э. в Восточном Средиземноморье (по узко датированной керамике) // Геомагнетизм и аэрономия. 2008. Том 48. № 2 (в соавторстве с И.Е. Начасовой и К.С. Бураковым).

Сдано в печать:

17. К вопросу о датировании культового комплекса на Майской горе // Древности Боспора. 2008. (в соавторстве с Т.В. Егоровой и Т.М. Кутиновой)
18. Терракотовые статуэтки азиатского Боспора (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина).